

УДК 93.910.4

Н. С. Шишелов

ВОЙНА И МИР СРЕДИ АБОРИГЕНОВ ЗАПОЛЯРЬЯ АЛЯСКИ В ДОКОНТАКТНЫЙ И РАННЕКОНТАКТНЫЙ ПЕРИОД *

ШИШЕЛОВ Никита Сергеевич – независимый исследователь.
Москва, Россия. E-mail: nshishelov@rambler.ru.

События, описанные в статье, относятся к периоду Русской Америки. В силу того, что происходили они в заполярном, тогда еще совершенно не исследованном регионе Аляски, никаких исторических свидетельств о них нет. Данная историческая реконструкция разработана группой американских ученых в последних десятилетиях XX в. на основе исторических преданий атапасков и эскимосов, архивных материалов и археологических изысканий.

К началу XIX в. хребет Брукса а также верховья рек Кобук, Ноатак и Колвилл занимали атапаскские группы. К концу столетия эти территории были заселены уже эскимосами. Смена этнической картины региона одновременно проходила по двум путям межэтнической коммуникации. В одном случае контакт между группами арктической и субарктической культур принял форму открытой агрессии. В итоге, военные столкновения к середине столетия привели к почти полному истреблению дихаи, региональной группы кучинов, населявшей западную оконечность хребта Брукса. В другом случае контакт принял конструктивную форму. Локальная группа коюконов, занимавшая верховья реки Кобук, оказавшись к середине века в относительной изоляции от других атапасков, поддерживала мирные отношения с эскимосами инупиат, и уже к концу века подверглась полной ассимиляции. Этот процесс происходил мирным путем. Под влиянием эскимосов культура коюконов подверглась стремительной и глубокой трансформации, вплоть до смены языка и идентичности. В результате образовалась новая культурная формация, включающая элементы как арктической, так и таежной культур.

АЛЯСКА; ЭСКИМОСЫ; АТАПАСКИ; МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ; ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ; ЭКСТЕРМИНАЦИЯ;
АССИМИЛЯЦИЯ

* С полной версией статьи можно ознакомиться по электронному адресу:
<http://beaverlodge.wmsite.ru/etnografija/vojna-i-mir-v-zapoljare/>.

Внутренние территории заполярья Аляски длительное время оставались абсолютно неисследованным регионом. В период Русской Америки ни одной экспедиции в эти области отправлено не было, в частности, в силу того, что эти земли были бедны пушниной и, соответственно, экономически не интересны руководству колоний. В конце зимы 1843 г. Лаврентий Загоскин совершил поход вверх по р. Коюкук до р. Катил и вернулся в Нулато [1: с. 262]. Во время этой экспедиции он получил от коюконов деревни Хотылькакат некоторые сведения об индейцах, живущих в верховьях Коюкука, которые отличались от коюконов как языком, так и культурой. В последующие два десятилетия никаких сведений о туземцах тех мест практически не появлялось. После продажи Аляски этот регион стал осваиваться американцами, но очень медленными темпами. Между тем, период, когда эти земли формально принадлежали Российской Империи, был очень насыщенным в плане этно-исторических процессов. Установить это удалось лишь к рубежу нынешнего века.

В 1930-х гг. этнограф Р. Маккенан проводил исследования среди нэцаи, самой западной группы кучинов. Индейцы рассказали ему о народе дихаи, населявшем когда-то горы к северо-западу от р. Чандалар. Так появились самые первые сведения об этом загадочном народе. В последующие десятилетия полевые этнографы постепенно получали новые фрагментарные данные от индейцев и эскимосов. К концу 1950-х уже стало очевидным, что речь идет о реально существовавшей, но исчезнувшей веком ранее индейской группе. Н. Габсер из эскимосских преданий узнал, что горы Эндикот, которые в то время считались исконными землями эскимосов инупиат, раньше были населены уйагаагмиутами, то есть кучинами [2: р. 147]. Археолог Э. Холл сопоставил данные индейского и эскимосского фольклора и сделал первую попытку реконструировать события глубокой старины аляскинского заполярья [3: р. 69]. Ф. Вест установил, что дихаи были лингвистическими родственниками нэцаи, т.е. одной из групп кучинов [4: р. 114]. В 1970-х гг. начался этап целенаправленного длительного изучения проблемы. Наибольший вклад в это дело внесли два ученых: Эрнст Бурч и Грэг Мишлер. Мишлер по началу радикально скептически относился к вопросу, считая дихаи

мифическим народом-фантомом [5: р. 191]. Однако Бурч сумел переубедить оппонента, приведя веские доказательства. Так начались масштабные исторические изыскания. Помимо полевых исследований и дальнейшего сбора фольклора, были привлечены данные археологии, лингвистики, тщательно изучалась аборигенная топонимика региона, собирались разрозненные архивные материалы.

Дихаи обитали в центральном и западном секторе хребта Брукса. Юго-восточными соседями дихаи были нэцаи. На севере и западе ареала дихаи соприкасались с эскимосами инупиат. Они довольно много времени проводили в верховьях р. Колвилл, занимали верховья р. Киллик, Алатна, Нигу и Ноатак. Наиболее многочисленны сведения о том, что дихаи жили на перевале Анактувук. Горы каждое лето посещали охотничьи отряды инупиатов и коюконов с р.Кобук, где они и встречались с дихаи. [2: р. 151–154]. С коюконами дихаи контактировали мало, по крайней мере, в 1840-х гг., по словам Загоскина, между коюконами и индейцами верховьев Коюкука, лежали безлюдные земли: *«вверх по этой реке [Коюкук], исключая одной небольшой одиночки, находящейся на полдня хода от жила Хотылькакат [устье р. Катил], на большое расстояние нет жителей, но в верховье реки, состоящей из многих притоков, туземцев довольно. Они также принадлежат к семейству народа ттынаи [атапаски]»* [1: с. 259]. У коюконов практически не сохранилось воспоминаний о дихаи, что свидетельствует о редких контактах между ними [2: р. 153].

Информант Загоскина, коюкон Кицыкака, рассказывал путешественнику также *«о севернейшей реке Тутльекахотана или Тыньека-хотана, которой верховые жители имеют непосредственное сношение с налейгмютами. Приморцы южного берега залива Нортон, кажется, называют эту реку Чиливик»* [1: с. 260]. В этом сообщении речь идет о р. Селавик или р. Кобук. Холл высказывал версию, что в верховьях р. Кобук, обосновались дихаи, которых позже инупиаты вытеснили на север в горы. Однако сейчас можно считать окончательно установленным, что верховья р. Кобук в 1-й пол. XIX в. занимала локальная группа коюконов [2: р. 151].

В эскимосском фольклоре дихаи выступают, обычно, врагами, однако также существуют многочисленные данные о смешанных браках

между дихаи и инупитами [2: р. 158]. С нэцаи, ближайшими родственниками их отношения также были неоднозначными. Почти одновременно они могли быть и в союзе, и в состоянии войны с соседями. Примерно к 1820-м гг. дихаи достигли пика своей экспансии на запад [2: р. 159, 165] и отношения их с инупитами обострились. Значимым событием тех лет стала резня в Нувугалуаке. Военный отряд дихаи из верховий р. Колвилл вышел к побережью Чукотского моря. Индейцы совершили нападение на инупиатскую деревню, расположенную близ мыса Хоуп и вырезали не менее 40–50 человек [2: р. 158]. На следующий день эскимосы собрали отряд и бросились в погоню за налетчиками. Им удалось настигнуть индейцев и убить одного или двух воинов [6: р. 4]. На следующий год дихаи решили повторить рейд, однако на этот раз инупиаты организовали засаду. Дихаи угодили в ловушку, и отряд был полностью уничтожен [2: р. 158]. Очевидно, что это был не единственный поход дихаи к побережью Чукотского моря. Эскимосы боялись дихаи и считали, что они обладают злыми чарами. Сохранилось две легенды о магических состязаниях между шаманами инупиатов с р. Кобук и дихаи. Магия последних оказалась сильнее и приносила смерть в эскимосские селения [3: р. 325].

Вооруженные конфликты могли возникать между группами, члены которых были не только знакомы между собой, но и могли быть связаны родством, дружбой и партнерскими отношениями. В связи с этим интересно отметить, что на севере Аляски существовал определенный сезон всеобщего перемирия, который начинался после вскрытия рек и завершался в конце августа. В этот период группы могли спокойно кочевать вне пределов своих обычных территорий и, как правило, столкновений между ними не возникало. Это был сезон торговых ярмарок и праздников. Таким образом, различные группы могли за один годовой цикл заводить связи и вести торговлю, и воевать между собой [8: pp. 128–129].

Если в нач. XIX в. дихаи были довольно многочисленным народом, то с течением времени они сдавали позиции и терпели поражения. Численность их неуклонно снижалась, и виной тому были не экологические факторы или эпидемии, а окружающие их со всех сторон враждебные народы. Остатки разбитых общин объединялись, и были

вынуждены перемещаться из долины в долину под давлением инупиатов [2: р. 154–155]. Так, в верховьях р. Колвилл индейцы поссорились с эскимосами, и после серии сражений дихаи ушли на восток. Одна из битв в этом регионе произошла на оз. Атиик. Это было началом конца дихаи. Число эскимосов на р. Колвилл возросло в связи с миграцией в этот район их родичей с р. Мид, вместе с тем возросла и их агрессивность [2: р. 153; 8: р. 133]. Экспансия эскимосов в глубину материка была вызвана богатыми стадами карибу.

Одним из последних сражений, ознаменовавших закат дихаи, стала бойня на перевале Ануктувук, произошедшая во 2-й пол. 1840-х гг. Об этом эпическом сражении сохранилось самое большее количество преданий. Незадолго до этого сражения дихаи повздорили с инупиатами р. Колвилл. Причиной конфликта стали женщины. Зимой обе стороны готовились к войне. Весной воины дихаи отправились в поход к оз. Тулугак, где располагался лагерь инупиатов. В это время эскимосский шаман призывал на помощь в битве своих духов. Дихаи сошлись в открытом бою с эскимосскими воинами возле слияния рек Ануктувук и Итигамалукпук. Магия эскимосского шамана оказалась сильна, и пальцы индейцев белели от холода, что мешало им метко стрелять из луков. Эскимосы ловко уворачивались от стрел. В этом бою дихаи потерпели полное поражение, потеряв убитыми не менее двадцати воинов, а потери эскимосов при этом составили всего два раненых [3: р. 321].

После поражения на Ануктувуке дихаи перестали существовать как самостоятельный народ, численность их была подорвана. Часть из них ушла к водоразделу Коюкук/Чандалар, другие отступили на запад, к оз. Чандлер и в долину Киллик. Здесь индейцы оставались еще некоторое время и продолжали совершать эпизодические военные рейды на инупиатов. Эскимосы несли незначительные потери, при этом оставались хозяевами ситуации и набирали силу. Это была уже война на истощение. Наконец, когда очередной отряд эскимосских воинов, отправился в рейд на р. Киллик, они обнаружили там общину голодающих дихаи. Индейцы были настолько слабы, что не могли не только дать бой, но и вообще оказать сопротивление. Хотя инупиаты могли с легкостью перебить всех дихаи, они не стали делать этого, но заявили, что если индейцы не

уберутся прочь, то все они погибнут от оружия. После этого остатки дихаи отступили [2: р. 155–156]. К нач. 2-й пол. XIX в. часть дихаи оставалась в изоляции в горах на юго-востоке их земель.

1850–60 гг. ознаменовались наиболее активной фазой экспансии инупиатов в горы Эндикотт [8: р. 130]. После изгнания с Киллика дихаи, вероятно, больше не сталкивались с инупиатами. Однако отношения с родственными группами кучинов и с коюконами оставались враждебными. Однажды дихаи совершили налет на индейскую деревню, располагавшуюся на Юконе и вырезали всех жителей. Позже агрессоры были разгромлены нэцаи [2: р. 154]. А.Х. Мюррей сообщает, что весной 1849 г. кучины, живущие ниже форта Юкон учинили резню в лагере «северных» или «дальних» индейцев (очевидно, что речь идет о дихаи). Зимой 1849–50 гг. юконские кучины убили 15 воинов и 5 женщин «дальних» и захватили в плен несколько детей и женщин. Также Мюррей сообщает, что несколько «дальних» приходили в ф-т Юкон, с намерением за любую цену приобрести ружья, но им было отказано. Летом 1850 г. «дальние» индейцы планировали ответные военные действия [2: р. 155]. Сохранились предания, что крупное поселение коюконов в верховьях р. Канути дважды подвергалось налетам военных отрядов кучинов. Выжившие коюконы были вынуждены переселиться к устью южного рукава Коюкука. Позже кучины совершили еще несколько рейдов по долине Коюкука. Правда, только в одном случае установлено точно, что нападавшими были именно дихаи [2: р. 151]. В других эпизодах нападавшими могли быть как дихаи, так и нэцаи [2: р. 156]. Так, например, около 1851 г. отряд кучинов, совершил налет на рыбацкий лагерь коюконов в устье р. Канути. Несмотря на внезапность нападения, агрессоры получили жесткий отпор и многие из них были убиты [2: р. 155; 7: р. 18]. Другое предание повествует о последнем поражении дихаи. Это сражение с коюконами произошло в начале 1860-х гг. близ современного Аллакакета [2: р. 155].

К 1860 г. дихаи были практически полностью были уничтожены врагами, вероятно, из-за их собственной агрессивности. Численность их сократилась всего до нескольких семей [2: р. 155]. В начале десятилетия зафиксировано несколько контактов дихаи с торговцами в форте Юкон.

Например, в 1862 г. миссионер Макдональд оставил следующую запись: *«пришли несколько индейцев-сурков. Четыре–пять семей – вот все, что осталось от некогда многочисленного племени, численность которого сократилась в войнах с эскимосами и другими индейцами»* [7: р. 20]. Между тем, в первой пол. 1860-х гг. нэцаи-кучинов постигла опустошительная эпидемия скарлатины [2: р. 156]. В конце 1850-х или в нач. 1860-х начался процесс смешения дихаи и нэцаи. Остатки грозных дихаи обратились к своим ближайшим лингвистическим родственникам – нэцаи, которые, будучи ослабленными эпидемией, вероятно, были рады принять к себе таких же ослабших бывших врагов [2: р. 159]. Потомки дихаи обнаруживаются и среди коюконов [7: р. 21]. Ассимиляция дихаи растянулась на несколько десятилетий, и завершилась к концу XIX в.

Одной из причин войн дихаи с инуупиатами были разногласия, возникавшие во время охот на карибу. Другой причиной конфликтов были споры из-за женщин, обе стороны обвиняли друг друга в желании брать слишком много жен у другой стороны. Наконец, война являлась проявлением фундаментальной межкультурной неприязни между индейцами и эскимосами [2: р. 164]. Все отношения между индейцами и эскимосами, даже в периоды мира, были покрыты тенью взаимного страха и недоверия. Войны на севере Аляски велись с одной единственной целью – полностью уничтожить врага, при этом агрессорами двигало отнюдь не желание доминировать на территории, захватить пленных или добычу, а опасность мести.

В отношении военной организации инуупиаты Аляски, во многом превосходили как кучинов, так и своих сородичей эскимосов инувиалуит, живущих в дельте р.Маккензи. У инуупиатов была хорошо развита тактика ведения боя и обороны. Воины облачались в доспехи из костяных пластин, во время сражения они организовывались в мобильные боевые построения и вели залповую стрельбу из луков, а при обороне использовали даже окопы [6: р. 4]. В открытом бою слабо организованные индейские воины не могли им противопоставить ничего, кроме бесстрашия. В этом отношении показательны приведенные выше результаты сражения на перевале Анактувук. Для сравнения, за период 1825–1855 гг. восточные кучины на р. Маккензи в почти ежегодных стычках с эскимосами потеряли

убитыми всего около тридцати воинов, что сопоставимо с потерями дихаи только в одном бою с инупиатами. Однако, следует учитывать, что на р. Маккензи кучины, в отличие от эскимосов, были снабжены огнестрельным оружием и боеприпасами [9: р. 726].

О причинах конфликтов дихаи с другими атапасками судить сложнее. Конкуренция за пищевые ресурсы здесь исключена, например, нэцаи обитали в пределах ареала другой популяции карибу, коюконы же были ориентированы, в большей мере, на рыбные ресурсы. Некоторые известные эпизоды проявления вооруженной агрессии дихаи выглядят совершенно немотивированными, то есть причины их имеют культурные корни. Одной из возможных причин набегов можно с уверенностью считать распространенную среди кучинов традицию мести за преждевременную смерть родственников и друзей. Если смерть произошла по необъяснимой причине (болезнь, несчастный случай), индейцы видели причину в злых чарах врагов и соседей. А. Мюррей писал о кучинах: *«если какая-нибудь группа повздорит или даже просто поспорит с другой, и после этого произойдет смерть, все считают, что его смерть вызвана магией другой группы. Собирается большой отряд мстителей»* [10: р. 87]. Таким образом, корни немотивированной, с нашей точки зрения, вооруженной агрессии лежали в религиозных воззрениях индейцев. Это справедливо не только для кучинов, и в частности, для дихаи, но и для других атапаскских народов. Но, похоже, что дихаи выделялись своей воинственностью даже на этом общем фоне.

В то время, как дихаи вели войну на несколько «фронтов», которая привела в итоге, к их полному истреблению, в верховьях р. Кобук происходили другие процессы. По крайней мере уже к 1-й пол. XIX в. здесь обосновалась локальная группа коюконов, однако к концу века на Кобуке остались только инупиаты. Но что же стало с этой индейской группой? Были ли они вытеснены инупиатами, или истреблены, как дихаи? Это еще одна загадка этноистории заполярья Аляски, ключ к которой десятилетиями скурпулезно подбирал Эрнст Бурч.

Наиболее ранние сообщения о жителях верховий Кобука оставил Э. Нельсон в 1881 г. Он писал: *«Эскимосы с верховий рек Ковак [Кобук] и Ноатак, которых я повстречал в летнем лагере в заливе Хотам,*

примечательны тем, что у многих из них крючковатые носы и почти все чертами лица очень похожи на юконских тинне [атапасков]. Они более крупного и крепкого телосложения, чем эти индейцы, и говорят на языке эскимосов. Они носят лабретки, бреют головы, и утверждают, что они эскимосы. В то же время, они одеваются в вышитые бисером охотничьи рубахи, круглые шапки, и одежды из дубленой оленьей кожи, а также используют конические палатки, как у соседних племен тинне» [12: pp. 299–230]. Дж. Стоуни в 1885–86 гг. зимовал с эскимосами этих мест. Все они говорили на языке инупиатов, однако Стоуни засомневался в том, что они по происхождению настоящие эскимосы, да и сами туземцы рассказали ему, что еще поколением ранее здешние жители говорили на языке коюконов [12: pp. 294–296].

В XX в. эскимосы продолжали утверждать, что прежде в верховьях Кобука обитали индейцы. Ценные данные были обнаружены в заметках известного фотографа Э. Кертиса, побывавшего на побережье Аляски в 1927 г. Эскимосы рассказали ему, что в былые времена на побережье зал. Коцебу для торговли иногда приходили даже индейцы, а также что *«некоторые из эскимосов [с р. Кобук] утверждают, что изначально они были индейцами, и жили по реке Кобук, говорили на индейском языке, жили в основном за счет охоты на карибу, носили рубахи и мокасины, использовали индейский лук и берестяное каноэ... они говорят, что большая часть индейцев с верховий Кобука ушла дальше вглубь земель, оставив их в изоляции на реке [Кобук]. Ежегодные торговые встречи и прочее общение с прибрежными эскимосами в конце концов, привело к тому, что они переняли эскимосскую одежду и язык. Со смертью стариков ушли индейский язык и традиции, а благодаря тесным связям и смешанным бракам оставшиеся стали походить на эскимосов Кобука» [12: p. 297, 307]. Отталкиваясь от этих сообщений, Бурч выстроил реконструкцию исторических событий в верховьях Кобука.*

Инупиаты и коюконы имели многовековые, в основном мирные, контакты, хотя изредка происходили и стычки [8: p. 130; 6: p. 5]. Эта группа занимала выгодное посредническое положение в торговле между прибрежными эскимосами и атапасками внутренних территорий. После эпидемии оспы 1838–39 гг., выкосившей множество инупиатов и

коюконов, началось сближение индейцев и эскимосов, обитавших на р. Кобук, в районе, не затронутом болезнью [8: р. 133; 12: р. 301]. С сер. XIX в. увеличилось количество смешанных браков между коюконами и инупитами. В конце 1860-х гг. началась фаза активной ассимиляции, что было вызвано миграционными процессами. К сер. 1880-х гг. они полностью сменили язык и идентичность. Эту новую группу инупиатов, потомков коюконов, эскимосы прозывали *иткилиагзуит* («те, кто похож на индейцев») [8: р. 128]. В культуре инупиатов верховий Кобука еще долго сохранялись отголоски коюконского наследия. В долине Кобука до сих пор сохранилось около трех десятков топонимов коюконского происхождения [12: pp. 304, 310].

В заключение осталось добавить несколько слов о потомках двух рассмотренных в статье исчезнувших в XIX в. атапаскских группах заполярья Аляски. На этих примерах видны две различные исторические стратегии. Дихаи прекратили свое существование в результате непрерывных военных столкновений с соседями. Предки нуатаагмиутов, также являясь периферийной группой атапасков и при сходных условиях, пошли по пути альянса с инокультурным окружением и также исчезли, однако при этом не наблюдалось негативных для этой группы процессов. Ассимиляция коюконов Кобука проходила мирным путем, без каких-либо намеков на стрессовые и кризисные для общества ситуации. Интересной особенностью формирования нуатаагмиутов как отдельной группы является именно отсутствие конфликтов, в то время как в литературе в подавляющем большинстве случаев этногенез описывается, как процесс сопряженный с политической борьбой и историческим осознанием этой борьбы, что отражается в культуре нового этноса. Т.е. в основе этногенеза, согласно этой концепции, лежит конфликт. Однако, на примере мирной ассимиляции коюконов Кобука, точнее, их эскимосизации, Бурч показал, что эта историческая тенденция не всегда оказывается применимой [12: р. 113].

Иная картина сложилась с потомками дихаи. Этот случай, похоже, подтверждает взаимосвязь конфликта и формирования идентичности, как составляющей этногенеза. В 1930-х гг. на р. Чандалар было еще много семей, ведущих происхождение от смешанных браков дихаи/нэцаи. Данные свидетельствуют о том, что дихаи еще долго сохраняли

самоидентичность. Так, кучин Д. Фрэнк, который был жив еще в 1970-х гг. считал себя дихаи [2: p.159, 162]. В индейских деревнях Арктик-Виллидж и Венети несколько семей кучинов и по сей день считают себя дихаи. Например, один из информантов Мишлера в 1988г, завершая свой рассказ о дихаи улыбаясь сказал: «мы – последние выжившие» [2: p. 156; 5: p. 192].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Загоскин Л.А.** Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах // Путешествия к Американским берегам, М., Дрофа, 2008
2. **Burch E.S. and Mishler C.W.** The Dihaii Gwichin: Mystery People of Northern Alaska // Arctic Anthropology, 1995, Vol. 32, No. 1, pp.147-172.
3. **Hall E.S.** Speculations on the Late Prehistory of the Kutchin Athapaskans // Ethnohistory, 1969, Vol. 16, No. 4, pp. 317-333.
4. **Hadleigh-West F.** On the Distribution and Territories of Western Kutchin Tribes // Anthropology Papers of the University of Alaska, Vol. 7, No. 2, 1959. pp. 113-116
5. **Mishler C.W.** Collaborating With the Tiger: The Evolution of an Essay // Arctic Anthropology. January 1, 2012 vol. 49 no. 2, pp.190-195
6. **Burch E.S.** From Skeptic to Believer: The Making of an Oral Historian // Alaska History, Vol.6, No.1, 1991, pp.1-16
7. **Peter-Raboff A.** Preliminary Study of the Western Gwich'in Bands // American Indian Culture and Research Journal, 1999, Vol. 23, No. 2, pp. 1-25.
8. **Burch E.S.** Indians and Eskimos in North Alaska, 1816-1977// Arctic Anthropology, Vol.16, No.2, 1979, pp. 123-151
9. **Reedy-Maschner K.L. and Maschner H.D.** Marauding Middlemen: Western Expansion and Violent Conflict in the Subarctic // Ethnohistory, 1999, Vol.46, No.4, Warfare and Violence in Ethnohistorical Perspective, pp. 703-743.
10. **Murrey A.H.** Journal of the Yukon, 1847-48 – Ottawa, 1910
11. **Burch E.S., Jones E., Loon H.P. and Kaplan L.D.** The Ethnogenesis of the Kuuvaum Kanjaġmiut // Ethnohistory, 1999, Vol. 46, No. 2, pp. 291-327.

SHISHELOV, Nikita S. – independent researcher. *Moscow, Russia.* E-mail: nshishelov@rambler.ru.

WAR AND PEACE AMONG INDIGENOUS PEOPLE OF POLAR ALASKA IN PRE-CONTRACT PERIOD

The article refers to the events of the period of Russian America. Owing to that it took place in the polar, completely unexplored, region of Alaska, any historical

certificates on them is not present. The given historical reconstruction is developed by group of the American scientists in last decades XX century, and based on the Athabaskan and Eskimos historical legends, archival records and archaeological researches.

In the beginning of XIX century, the Brooks Range and upper Kobuk, upper Noatak, upper Colville rivers were occupied by Athabaskan groups. But in the end of century these territories have already been occupied by Eskimos. Changing the ethnic picture of the region took place simultaneously by two different models interethnic communication. In one case, the overt aggression was the most influential form of contacts between groups of the Arctic and Subarctic cultures. As a result, in the mid-century Dihaii (a regional group of Gwichin Athabaskan, which inhabiting in the western Brooks Range) were almost exterminated. In other case, the contact took positive form. In the same period the local group of Koyukon Athabaskan, which occupied headwaters of Kobuk River, were in relative isolation from other Athabaskan, and maintained peaceful relations with Inupiaq Eskimos. Finally, in the end of XIX century, Koyukons were fully assimilated. As a result a new cultural formation with elements of both Arctic, and Subarctic cultures formed.

ESKIMOS; ATHABASKAN; CROSSCULTURAL COMMUNICATION;
ETHNIC CONFLICT; EXTERMINATION; ASSIMILATION
